

1920–1930-е годы

Омск в период нэпа

Омское Прииртышье, взбудораженное Петропавловско-Ишимским крестьянским восстанием в январе – феврале 1921 г., так как многие села активно в нем участвовали, встретило нэп с удовлетворением, хотя и настороженно. Со стороны властей требовалась большая разъяснительная работа. На это нацеливали решения III губернской партконференции 1921 г., в которых предлагалось «развернуть кампанию по разъяснению на предприятиях, партийных, беспартийных, крестьянских и других собраниях смысла и значения новых декретов о продналоге, товарообмене и кооперации и той помощи, которая приносится ими в деле укрепления народного хозяйства».

Из Омска в деревню для ведения разъяснительной работы были направлены 86 пропагандистов, которые в течение марта – апреля 1921 г. организовали 347 лекций, 2 402 беседы и свыше тысячи митингов. Цель работы – успешное и своевременное проведение весеннего сева и расширение посевных площадей.

Однако общая посевная площадь в 1921 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом на 20 %. Причинами такого резкого сокращения стали как нехватка семенного зерна из-за недорода 1920 г. и насильственного изъятия его продотрядами в счет продразверстки, так и отсутствие доверия у части крестьянства к нэпу. Крестьяне, как и в период продразверстки, боялись нового изъятия хлеба.

В первый год нэпа на страну обрушилась засуха, которая поразила многие зерновые районы. Голод сопровождался вспышками эпидемий тифа, малярии и других болезней.

В Омской губернии из 220 волостей от засухи пострадали 135 с населением в 910 тыс. чел. Только в Славгородском уезде, входившем тогда в состав Омской губернии, голодали 120 тыс. чел. Вымирали от голода целыми деревнями. Десятки тысяч голодающих было в Тюкалинском и Тарском уездах. В Омском и Калачинском уездах более 50 млн десятин посевов было уничтожено кобылкой – одной из разновидностей саранчи, страшным вредителем полей. Наибольший ущерб был нанесен Тюкалинскому и Тарскому уездам, урожай 1921 г. в которых составил в среднем по четыре пуда (пуд – 16,38 кг) с десятины. В Омском уезде собрали по восемь, а в Калачинском – по 10,4 пуда с десятины.

В тяжелом положении оказались и горожане. По решению Сибревкома рабочим промышленности и железнодорожного транспорта был сокращен паек на пять фунтов

(около 2 кг) муки в месяц, служащим предприятий группы «А» – на 15 фунтов (около 6 кг), а служащие предприятий группы «Б» были сняты с централизованного снабжения. В Омске это решение коснулось большинства служащих, так как к группе «А» относились немногочисленные металлообрабатывающие предприятия. Однако лишь немногие выразили недовольство на профсоюзных собраниях по поводу сокращения пайков и снятия со снабжения.

Расширенный пленум Омского горсовета 25 августа 1921 г. заслушал доклад о мерах по оказанию помощи голодающим и постановил советскому и профсоюзному активам города сделать отчисления в пользу голодающих не менее трехдневного пайка, показав пример трудящимся – членам профсоюза.

Рабочие-железнодорожники, машиностроители с пониманием отнеслись к призыву о помощи жителям регионов, которые пострадали от засухи. В фонд помощи перечислялись и продовольственные пайки, и часть зарплаты. Почти год рабочий класс Омска оказывал посильную помощь голодающим. С сентября 1921 г. в городе и губернии стали проводиться «недели помощи голодающим». В фонд помощи вносили пожертвования как продуктами, так и деньгами из зарплаты, денежные сборы от спектаклей, концертов. Некоторые жители приносили золотые и серебряные вещи, монеты, другие ценности. Сюда же поступали ценные предметы культа, изъятые из церквей, костелов, синагог. За период с августа 1921-го по 1 июля 1922 г. по Омску и губернии было собрано 2 192 411 тыс. руб. (в денежных знаках 1922 г.), 28 988 пудов зерна, 5 127 пудов муки, свыше 17 пудов сахара и несколько пудов других продуктов. Благодаря помощи омичей, от голода были спасены многие голодающие Поволжья и других регионов страны, куда направлялась часть собранного продовольствия.

Большое внимание уделялось помощи детям. Через Омск на восток из губерний, охваченных голодом, следовали десятки эшелонов. Среди них было немало детей. На станциях Омск, Московка, Куломзино были открыты детские столовые и больницы, а в самом городе организовано девять детских домов, в которых разместилось около 3 тыс. детей. Многих детей на продовольственное содержание брали коллективы омских организаций и предприятий. За большую помощь, оказанную голодающим Поволжья, 16 марта 1922 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) объявил омичам и всем сибирякам благодарность.

Острота в обеспечении продовольствием оставалась в Омске и губернии вплоть до осени 1922 г., когда был собран более или менее сносный урожай, позволявший избежать голода. Это был последний год падения сельскохозяйственного производства.

«Промышленность Омска, как и промышленность всей страны, вступила в 1921 год расстроеной, с очень низкими производственными показателями. <...> На заседании президиума губсовнархоза 4 марта 1921 г. представитель губтекстиля говорил: “Положение... очень плачевное. Задания не выполняются даже на 10 %. Главное бедствие – недостаток топлива, сырья”. Представитель губкожи также жаловался на нехватку топлива, сырья, извести, смазочных материалов, инструментов и квалифицированных рабочих. <...> Не хватало самых простейших инструментов. Например, в портняжных мастерских одни ножницы приходились на 6–10 рабочих. В сапожных мастерских не хватало молотков, колодок, гвоздей» (Касьян А. К. Омск социалистический (1917–1940 гг.). Омск, 1971. С. 69).

Кризисные явления в омской промышленности усугублялись несколькими факторами. Во-первых, немногочисленные промышленные предприятия города были оснащены устаревшим оборудованием, завезенным сюда еще в дореволюционные годы. Во-вторых, не хватало высококвалифицированных специалистов, которые могли бы наладить эффективную работу предприятий. Кроме того, на себестоимости продукции отражалась дороговизна транспортных расходов на привозное сырье и топливо. Эти расходы были в три раза выше довоенных и составляли, например, в 1923 г. 24 % стоимости готового изделия. Большие торговые наценки также делали омские товары труднодоступными омскому крестьянину. И, наконец, в первые годы нэпа в Омске были открыты многочисленные торговые представительства других городов России, предлагавшие омичам более качественные товары, с которыми продукция омских фабрик не всегда могла конкурировать (Западно-Сибирская контора Уральского горнозаводского синдиката «Уралмет», отделение Томского губсовнархоза по сбыту лесных материалов, кожевенно-овчинных, пимокатных изделий, чугунного и медного литья, спичек и пр., представительство синдиката швейной промышленности РСФСР и др.).

Однако нэп трудно входил в жизнь и быт страны не только из-за экономических неурядиц. В Омске, как и во всей стране, было немало политических противников новой политики, и в первую очередь в рядах коммунистической партии. В знак протеста и несогласия с новой экономической политикой некоторая часть омских коммунистов даже подала заявления о добровольном выходе из партии.

Ситуация усугублялась тяжелой экономической разрухой, а также ослаблением партийной работы, связан-

ной с переездом центральных сибирских органов, а с ними наиболее опытных и грамотных кадров летом 1921 г. из Омска в Новосибирск. Кроме того, в рядах партии было немало случайных людей. Победа в гражданской войне, сделавшая партию правящей, привлекала в ее ряды откровенных карьеристов, для которых членство в партии давало возможность достичь командных высот. Для освобождения от таких элементов Центральный комитет РКП (б) объявил в 1921 г. партийную «чистку».

В Омской городской парторганизации «чистка» проходила во второй половине 1921 г. Если на 1 мая 1921 г. в ее рядах было 5 678 членов и 1 371 кандидат в члены партии, то на 1 декабря остались 3 041 член и 740 кандидатов в члены партии, т. е. менее 54 % ее прежнего состава. Состав парторганизации оставался сложным как с точки зрения образовательного уровня коммунистов, так и их партийного стажа. Если среди членов партии Омска 80 % имели начальное образование или были неграмотными, а около 85 % вступили в партию в 1919–1921 гг., то по губернии эти цифры соответственно равнялись 90 и 92 %. Следствием такого состава были общепартийные шатания, непонимание задач времени. К этому добавились оторванность «верхов» от «низов», расцвет бюрократии.

Трудное положение с продовольствием и промышленными товарами толкало некоторых советских и партийных работников на злоупотребления своим положением. Председатель Единого потребительского общества Ф. М. Шемис, вскоре ставший одним из активных членов оппозиции, с гневом писал в 1921 г. в докладных в губком партии о том, что ему надоело выдавать по запискам ходокам пачки папирос, галоши и прочие предметы тогдашнего дефицита.

Местные беспорядки и неурядицы накладывались на общепартийные дискуссии и споры о профсоюзах, о нэпе. В итоге создалась довольно сложная ситуация. Позднее, в сентябре 1922 г., на V губернской партийной конференции новый секретарь губернского комитета партии А. И. Криницкий так скажет о том периоде: «Губком прежнего состава, крайне неработоспособный, оторвавшийся от массы, возбудил против себя совершенно справедливо обусловленное недовольство всех низовых организаций, ячеек». Вот тогда-то ряд коммунистов, в основном работников районного звена, и стал рупором недовольных политикой губкома партии. Лозунг «рабочей оппозиции» (идейное течение в РКП (б). – *Ред.*) об отрыве «верхов» от «низов» как нельзя лучше подходил к омской ситуации. Недовольство деятельностью губкома партии прозвучало на Омской городской партийной конференции в конце 1921 г. и наиболее ярко проявилось на IV губернской партконференции в январе 1922 г. «Закоперщиками» здесь выступили секретарь Омского уездного комитета партии И. Е. Потемкин и работники городских райкомов партии Н. А. Максимов и Ф. М. Шемис, оба члены партии с 1905 г.

Конференция признала работу губкома партии неудовлетворительной.

Казалось бы, настало время для активной работы и исправления допущенных предшественниками недостатков. Но новый состав губкома продолжал «пикировки» с руководством Сиббюро Центрального комитета РКП (б), иногда открыто игнорируя его требования. В сложнейших условиях нэпа, восстановления после разрухи, а также неурожая, поразившего значительную часть губернии, такие «вольности» приводили к взаимному непониманию и серьезным последствиям. Разобщенность и распри внутри партийных организаций также усугубляли положение. Сиббюро сделало вывод, что данный состав губкома не сможет дальше выполнять свои функции и некоторых членов губкома надо отозвать. Однако последовало новое неподчинение. На XI съезде партии в Москве была организована специальная комиссия во главе с секретарем Центрального комитета В. В. Куйбышевым, которая ознакомилась со сложившейся в Омске ситуацией и решила: действия Сиббюро правильные, с целью нормализации обстановки ряд работников нужно срочно отозвать из губернии. Когда же Потемкин, избранный секретарем губкома, и Шемис вернулись в Омск, они постарались заручиться поддержкой рядовых коммунистов с тем, чтобы не уезжать отсюда. Страсти накалялись. Стали следовать коллективные заявления рабочих о выходе из рядов партии в случае отзыва членов губкома: от ячеек лесозавода № 2, центральной электростанции (ТЭЦ-1), бывшего завода

С. Х. Рандрупа. Первый и Четвертый (так по номерам назывались тогда районы) райкомы вынесли в середине апреля 1922 г. ультимативные решения – оставить отзывавшихся партийных работников в Омске.

Центральный комитет РКП (б) в своем решении поручил Сиббюро провести «перерегистрацию всей Омской организации в целях очищения партии от элементов фракционности и разложения, не останавливаясь перед исключением членов президиума ряда райкомов, ведущих агитацию за выход из партии, для чего организовать специальную комиссию по перерегистрации, представив список ее членов на утверждение ЦК». В результате 176 членам партии были объявлены выговоры, 18 чел. отзывались из Омска. Решения Центрального комитета РКП (б) способствовали оздоровлению обстановки в рядах омских партийцев и, в конечном итоге, позволили сказать твердое «да» новой экономической политике.

Уже в первые месяцы после освобождения Омска от колчаковцев руководство города пыталось запустить в работу хотя бы отдельные предприятия, от которых зависела жизнь омичей. Начали работать 1-й механический завод «Сельский работник» (с декабря 1919 г.) и мастерские, ремонтировавшие сельхозтехнику в преддверии весеннего сева 1920 г., затем были запущены мельницы, кожевенный завод и суконная фабрика. Однако и они работали далеко не на полную мощность, так как не хватало топлива, сырья, не было квалифицированной рабочей силы. 4 июня 1920 г. на объединенном заседании завкома и администра-

Сотрудники омского губернского отдела Государственного политического управления (ГПУ). Ноябрь 1922 г. Из коллекции В. И. Селюка

ции Омского 1-го механического завода констатировалось «систематическое падение производительности» труда рабочих вследствие недоедания.

С осени 1921 г. омская промышленность стала переводиться на работу в новых условиях. 26 августа 1921 г. Сибирский революционный комитет в соответствии с «Наказом Совета народных комиссаров» принял постановление об изменении политики в промышленности в условиях нэпа. Местным органам предписывалось оставлять в своем подчинении лишь наиболее рентабельные и государственно важные предприятия, которые должны работать на началах хозяйственного расчета. К ним относились прежде всего предприятия тяжелой промышленности. Остальные предприятия либо возвращались бывшим владельцам, либо давались в аренду.

В Сибири почти половина ранее национализированных предприятий была возвращена прежним владельцам, некоторая часть ликвидирована, десятая часть передана из ведения органов губсовнархоза другим государственным органам. Например, большинство предприятий кожевенной и обувной промышленности в Омске были возвращены старым хозяевам, а свыше 20 государственных предприятий сдано в аренду. Арендаторы обязывались соблюдать советское трудовое законодательство в вопросах найма, увольнения и охраны труда рабочих. Однако до 1 сентября 1923 г. треть договоров была расторгнута из-за нарушения арендаторами условий аренды.

С декабря 1921 г. начался процесс трестирования предприятий, оставшихся в ведении губсовнархоза. Было создано три треста и пять комбинатов, объединявших предприятия по отраслевому признаку. Так, в Омский металлтрест входили 1-й механический, плугостроительный заводы, «Оммеханлит» (механический и литейный), «Болторез», «Азия», «Гидротехнический», а также фабрика всялок «Энергия». Текстильтрест включал в себя три суконные и ватную фабрики, пимокатный завод.

«Кожкомбинат» объединял два кожзавода, госмеховую фабрику, шорно-седельную мастерскую, посадочную мастерскую и фабрику обуви в Ново-Омске. Овчинно-шубный комбинат – овчинно-шубный завод, шубно-пошивочную мастерскую. Химкомбинат – дрожжевинокуренный, два пивоваренных завода и губхимлабораторию. Два лесомукомольных комбината состояли из мельниц и лесозаводов, принадлежавших до национализации Жернакову в Ново-Омске и Калижникову на Северных улицах в Омске.

Омский лесомукомольный комбинат осенью 1922 г. передан металлтресту на том основании, что лесозавод обслуживал нужды 1-го механического завода. Что касается мельницы, то она автоматически следовала за лесозаводом, с которым у нее была единая силовая установка. Этим же объясняется странное комбинирование лесозавода и мельницы в Ново-Омске. Четыре крупные мельницы города

Реклама завода фруктовых и ягодных вод П. М. Воронова на страницах справочника-указателя «Весь Омск» на 1923 г.

(бывшие Колокольникова, Жернакова в Ново-Омске, Ковалева – в Ленинске-[Омском] и Ванн – в Омске) находились в ведении губпродкома.

Некоторые предприятия оставались вне трестов и комбинатов на правах автономно управляющихся, подчиненных непосредственно совнархозу. К их числу первоначально были отнесены маслобойно-красочный и мыловаренный заводы (бывшего товарищества «Довборы») в Ленинске-[Омском] и Центральная электрическая станция» (Касьян А. К. Омск социалистический (1917–1940 гг.)... С. 70–71).

Перевод на хозрасчет заставлял совершенствовать систему управления. Вводилось единоначалие, сокращался управленческий аппарат, внедрялась рационализация труда, что приводило к уменьшению численности работников. В то же время, поскольку многие предприятия вынуждены были отдавать часть продукции государственным организациям без оплаты, так как те не имели возможности своевременно оплатить заказ, это вызывало рост задолженности предприятий-производителей собственным рабочим. Например, на 1 сентября 1922 г. металлтрест был должен государству – 4,5 млн руб., частным лицам – 300 тыс. руб., рабочим – 7 млн руб.

Отсутствие госзаказа, заказов и предоплаты со стороны торговых организаций оставляли предприятия без оборотных средств и без возможности работать «на склад» с последующей продажей продукции на рынке. Отсюда несвоевременная выплата зарплаты, сокращение штатов. Вместе с тем рынок нуждался в большинстве выпускавшихся омскими предприятиями товаров.

Общая разруха народного хозяйства и неурожай самым негативным образом отражались на обеспечении сырьем всех отраслей промышленности. В 1921/22 хозяйственном году все металлообрабатывающие предприятия Омска

получили металла столько, что его хватило лишь на половину плана одного завода «Красный пахарь». От 25 до 75 % необходимого сырья имели предприятия легкой промышленности. Из 128 оставшихся в ведении губсовнархоза омских предприятий в 1922 г. работали 40; 10 предприятий, как нерентабельные и неперспективные, были закрыты. В аренду удалось сдать лишь 24 предприятия из 62, предназначенных к сдаче.

Положение усугублялось плохой работой железнодорожного транспорта. Большинство подвижного состава находилось в крайне изношенном состоянии. Тысячи вагонов и сотни паровозов требовали ремонта. Это приводило к очень низким темпам перевозок. В Сибири было немало хлеба, так необходимого голодавшим районам России, однако из-за помех в работе транспорта вывоз продовольствия срывался.

К слабой материальной базе железнодорожного транспорта добавлялись и другие моменты, тормозившие его работу. Во-первых, плохое продовольственное снабжение, вынуждавшее рабочих в поисках пропитания для семей ходить по окрестным селам с надеждой на заработки. Во-вторых, с августа 1921 г. в Сибири распространился тиф, а затем и холера. Многие железнодорожники Омской дороги к началу 1922 г. были больны эпидемическими болезнями. Пожар в ноябре 1921 г. в Омских железнодорожных мастерских усугубил и без того сложное положение.

Для исправления ситуации на транспорте в Сибирь с чрезвычайными полномочиями прибыл нарком путей сообщения, председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Ф. Э. Дзержинский, 10 января 1922 г. обратившийся к рабочим-железнодорожникам: «Рабочие и служащие железной дороги Сибири! Вы видите, что от работы вашей зависит судьба всей Республики: $\frac{1}{3}$ всех продовольственных запасов Республики идет из Сибири».

С Дзержинским в Сибирь прибыли 40 чел. из различных ведомств: Наркомата путей сообщения, Наркомфина, ВЧК и др. Они помогали комплексно решать вопросы улучшения работы железной дороги. Кроме того, при отправке экспедиции сибирским горнорабочим и железнодорожникам было выделено около 10 тыс. комплектов обмундирования, а также планировалась выдача 100 млрд руб. на кредитование ведомств. Омские железнодорожники получили продовольствие и медикаменты для борьбы с тифом. Для облегчения расчистки путей от снежных заносов был сформирован специальный поезд, оборудованный местами для жилья, кухней, пекарней. Проведено упорядочение зарплаты транспортникам, ликвидирована уравниловка, усилена борьба с хищениями. В результате принятых мер повысилась трудовая дисциплина.

С февраля 1922 г. стала постоянно возрастать пропускная способность дороги. Если в январе в среднем в сутки отправляли по 103 вагона с продовольствием, то в марте –

по 184. Скорость движения со 173 верст в сутки в феврале возросла до 240 в апреле. Представители американской паровозостроительной фирмы «Болдвин», проезжавшие через Сибирь, так оценили весной 1922 г. состояние сибирского железнодорожного транспорта: «Мы ожидали увидеть сибирский транспорт в значительно худшем состоянии, нежели оказалось в действительности. Мы осматривали Омские мастерские и вынесли наилучшие впечатления. В работе чувствуется трудовая дисциплина и деловой подход».

Во второй половине 1922 г. хозяйственное положение страны стало улучшаться. Восстанавливалась работа промышленности, увеличивались производительность труда и нормы выработки рабочих. Этому во многом способствовало введение в сентябре 1921 г. новой системы тарифов и исчисления заработной платы, которая жестко увязывала производительность труда и зарплату. В основе лежала идея борьбы с уравниловкой в оплате труда, всяческой поддержки квалифицированных кадров. «Мы не будем больше видеть инженеров, занимающих должности старших конюхов... или занимающихся починкой кухонных приборов и горелок; мы не будем видеть также квалифицированных рабочих, занимающихся посадкой картошки и очисткой выгребных ям», – писали тогда сторонники новой системы оплаты. Вместо 35-разрядной шкалы введена 17-разрядная сетка.

Новая зарплата состояла из двух частей: натуральной, включавшей в себя продовольственные пайки и товары народного потребления, и денежной оплаты. Если натуральная часть отличалась между первым и семнадцатым разрядами в 1,6 раза, то денежная различалась значительно – в 30 раз (с 50 тыс. до 1,5 млн руб.). Тем самым стимулировалось повышение квалификации и переход на более высокий разряд. Если же брать в денежном выражении обе части зарплаты, то рабочий с семнадцатым разрядом получал в четыре раза больше, чем рабочий с первым разрядом, и в два раза больше, чем рабочий с девятым. Разница в оплате между первым и девятым разрядами составляла 80 %. Положительные факторы новой экономической политики сказывались и на омской промышленности. Улучшилось продовольственное снабжение рабочих, укрепилась дисциплина труда, повысились нормы выработки. Если на кожзаводе в 1921/22 хозяйственном году один рабочий выработывал в день продукции на 3 руб., то в следующем – на 6 руб. 20 коп. (в новых ценах); на суконной фабрике – соответственно на 1 руб. 70 коп. и на 2 руб. 40 коп. Возрос и выпуск продукции. На том же кожзаводе с 6 425 до 11 508 крупных кож, а на 1-й суконной фабрике с 37 443 до 56 848 м сукна. Расширился ассортимент и выпуск сельскохозяйственных машин на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения.

Однако о выходе из кризисной ситуации говорить было рано. Продолжала расти безработица, особенно в связи

с закрытием нерентабельных предприятий. Ряды безработных пополнялись и за счет выходцев из села, пытавшихся найти работу в городе.

В мае 1922 г. в Омске стала действовать товарная биржа. Но неопределенность ситуации с налогообложением, продолжавшаяся инфляция, слабость частного сектора в экономике приводили к тому, что на первых порах на бирже предложения почти в три раза превышали спрос на товары. Примерно такое же соотношение было и по номенклатуре товаров. Совпадение же спроса и предложения составляло не более 40 %.

Кризис сбыта и «ножницы цен» стали серьезной угрозой экономическому союзу города и деревни. Нужно было срочно решать эту проблему и снимать недовольство среди населения. Органы советской власти стали вести на предприятиях жесткую политику уменьшения накладных расходов и снижения себестоимости продукции. В Омске эти мероприятия вылились в слияние мелких низкорентабельных предприятий той или иной отрасли в крупные, оснащенные за счет ликвидированных более современной техникой. Так, в Ново-Омске в 1923 г. на базе закрытой обувной фабрики и двух кожзаводов был создан один крупный кожзавод. В 1923 г. был законсервирован, а в 1924 г. вообще ликвидирован завод «Оммеханлит», продукция которого не находила спроса. Основная часть его оборудования была распределена среди предприятий металлтреста. Наряду с проведенной в стране денежной реформой, стабилизирувавшей денежную систему государства, снижение цен на промышленную продукцию привело к увеличению товарообмена между городом и деревней.

«В сентябре 1923 г. Омский металлтрест впервые получил централизованный заказ от Госсибсельсклада на поставки плугов, веялок и литья запасных частей к сельскохозяйственным машинам. Поступили заказы от кооперативных организаций и другим отраслям промышленности» (Касьян А. К. Омск социалистический... С. 79).

Заводы и фабрики города успешно действовали в условиях хозрасчета, многие отрасли производства стали рентабельными. Это дало возможность часть получаемых средств направлять на реконструкцию и расширение основных фондов, так как омская промышленность, как и во всей стране, развивалась экстенсивным путем на старом, дореволюционном оборудовании и практически исчерпала возможности увеличения выпуска продукции.

В начале 1924 г. был восстановлен пивоваренный завод М. Я. Мариупольского, переименованный в завод им. Валдека Юргенсона. Во второй половине 1924 г. на омском плугостроительном заводе достраивался литейный цех; в 1925 г. здесь были установлены современная высокопроизводительная клепочная машина, первые 10 электромоторов. После некоторого простоя в декабре 1924 г. возобновил работу 2-й механический завод им. Розы Люксембург. Омская железная дорога отказалась от аренды этого завода, и рабочие были вынуждены запускать его своими силами. Завод был единственным в Сибири, на котором отливались метрические гири и ремонтировались весы. За счет сокращения управленческого аппарата на заводе уменьшились накладные расходы, улучшились другие показатели работы.

Особенно быстрыми темпами развивались предприятия, выпускавшие сельскохозяйственный инвентарь. За два

Установка зольного промывного барабана на строительстве Омского кожзавода. 1924.
Из фондов ГУИАС

года в 11,5 раза возрос выпуск плугов, превысив довоенный уровень почти на 40 %. В 35 раз увеличилось производство борон, в шесть раз – выпуск веялок и конских ходов.

Постоянно расширяла свои мощности Центральная электростанция. С 420 кВт в 1921 г. она к 1925 г. достигла десятикратного увеличения выработки электроэнергии.

1924/25 хозяйственный год стал важным в плане восстановления сельскохозяйственного производства Сибири. Твердая денежная единица, благоприятная налоговая система способствовали росту товарности крестьянских хозяйств. Кроме того, в этом году повысились цены на сельскохозяйственные товары и относительно снизились – на промышленные. Так, в Сибири индекс цен на сельхозтовары в отношении к общему товарному индексу вырос с 0,824 на 1 октября 1924 г. до 0,936 на 1 июля 1925 г. Индекс цен на промышленные товары за то же время снизился с 1,244 до 1,085. Это повысило покупательную способность деревни и увеличило спрос на промышленные изделия.

Вот как выглядели цены на рынках Омска в этот период по некоторым видам товаров в сравнении с довоенными: пуд ржаной муки стоил в 1913 г. 88 коп., 1 октября 1924-го – 80 коп., 1 октября 1925-го – 95 коп.; пшеничной – 1 руб. 08 коп., 1 руб. 30 коп. и 2 руб. 60 коп.; фунт говяжьего мяса – 11, 13 и 18 коп.; сливочного масла – 35, 45 и 65 коп.; сахара – 15, 35 и 34 коп.; мыла – 18, 25 и 26 коп.; керосина – 5, 6 и 5 коп.; гвоздей – 10, 22 и 25 коп. За пачку спичек в 1913 г. платили 10 коп., а в 1924 и 1925 гг. по 15 коп.; за катушку ниток – 7, 18 и 15 коп.; за метр ситца – 20, 49 и 46 коп. Более всего возросла стоимость кожаных сапог – с 6 руб. за пару в 1913 г. до 12 руб. на 1 октября 1924-го и 14 р. 50 коп. через год.

С ростом промышленного производства улучшалось материальное положение работающих. Это заметно по изменению рациона питания омичей. Если в начале 1923 г. на одного едока из рабочей семьи приходилось 1,7 фунта хлеба, 0,6 – картофеля, 0,004 – сахара, 0,25 – мяса, 0,012 – масла сливочного, то в феврале 1925 г. стало 1,5 фунта хлеба, 0,35 – картофеля, 0,05 – сахара, 0,47 – мяса и 0,035 – сливочного масла (фунт – 409,5 г). Несколько лучше по сравнению с рабочими питались служащие.

Увеличилась и стала регулярно выплачиваться заработная плата. Была изжита ее натуральная форма. Возрастала производительность труда, хотя и более низкими темпами, чем рост заработной платы. В 1924–1925 гг. только на суконной фабрике производительность труда на 17 % превзошла довоенную, а на других она была на 5–8 % ниже. Зарплата же на 42–56 % была выше довоенной. Такое положение, когда рост заработной платы опережал рост производительности труда, тогдашнее партийное руководство считало для восстановительного периода нормальным явлением.

Цензовая промышленность (к цензовым относились предприятия с одним двигателем и не менее чем 16 рабочими или без двигателя, но с 30 и более рабочими) Омска в 1925–1926 гг. достигла 95,6 % довоенного уровня и дала максимум того, что можно было дать на старой технологической базе. Стало очевидно, что ее дальнейший рост возможен лишь при строительстве новых предприятий или реконструкции действующих на более современном техническом уровне.

Курс на индустриализацию страны, провозглашенный на XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г., потребовал от омичей нового подхода, обусловленного положением Сибири. В частности, хотя Омск и являлся самым промышленным из городов Западной Сибири, основу его промышленности составляли мелкие полукустарные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и сырья. Именно их реконструкции и было уделено главное внимание, именно сюда выделялись финансовые ресурсы местного руководства. К этому времени изменилось административно-территориальное деление. Был образован Сибирский край, взамен губерний введено было окружное деление. В 1925 г. Омск из губернского стал окружным центром. В результате несколько уменьшились финансовые возможности административного центра, но это не могло изменить приоритетов действий. Восстановление промышленности и других секторов экономики шло быстрыми темпами. В конце 1925 г. на окружном съезде Советов было заявлено, что «в конце нового хозяйственного года мы достигнем довоенного размера нашего хозяйства во всех сферах».

В Омске в мае 1925 г. было произведено слияние двух схожих по профилю предприятий – 1-й механический завод объединился с фабрикой веялок (бывшая «Энергия»). Новое предприятие получило название «Сибирский завод сельскохозяйственного машиностроения». Объединение заводов позволило избавиться от дублирования в работе цехов. Рациональнее стал использоваться административно-технический персонал. На 15 % уменьшились накладные расходы, на 37 % увеличился выпуск продукции на одного рабочего. Возросла механизация и электрификация рабочих мест. Расширялся кузнечно-прессовый цех. В нем были установлены пресс-эксцентрик в 125 т и воздушный молот. Завод пополнился новыми станками и механизмами. Концентрация производства дала возможность приступить к массовому выпуску сельхозтехники.

«С восстановлением промышленности росло число рабочих... На заводе “Красный пахарь” в 1922–1923 гг. было занято 120 рабочих, на 1 апреля 1925 г. – 234; на 1-м механическом было 143, стало 242, на фабрике веялок – 91 и 136. В целом по цензовой промышленности численность рабочих и служащих возросла с 1 865 в 1922–1923 гг. до 2 450 чел. в 1924–1925 гг. (без железнодорожного и во-

дного транспорта). При этом удельный вес служащих в составе работающих сократился с 15,5 до 13,2 %» (Касьян А. К. Омск социалистический... С. 86).

В 1926/27 хозяйственном году Сибзавод выпустил продукции на 1 518 317 руб. (в 1923/24 хозяйственном году на 338 192 руб.). Рост составил 449 %. Завод «Красный пахарь» за это же время увеличил выпуск продукции на 462 %. За 1926–1928 гг. в омские заводы сельскохозяйственного машиностроения было вложено 739 тыс. руб.

Заметного роста достигла пищевая и легкая промышленность города. В Ленинске-Омском в 1926 г. был введен в строй крахмало-паточный завод, а в 1927 г. построен первый в Омске механизированный хлебозавод суточной мощностью 20 т хлеба. Был реконструирован дрожжевой завод. На суконной фабрике возросло число механических веретен, шпульных катушек. На многих предприятиях проводились мероприятия по улучшению условий труда и техники безопасности: устанавливались пылеуловители, вентиляторы и др.

Всего в новое строительство и реконструкцию омской промышленности в 1926–1928 гг. было вложено 1 908 тыс. руб., что позволило добиться заметного роста выпускаемой продукции. Подобная картина наблюдалась не только в Омске, но и во всей Сибири. За 1926–1928 гг. валовая продукция крупной промышленности Сибири возросла на 47,1 %.

В этот период большое внимание уделяется повышению производственной активности трудящихся и их вовлечению в социалистическое строительство. Одной из эффективных форм этой работы стало участие их в производственных совещаниях. Если раньше на таких совещаниях чаще всего ставились вопросы тарификации, охраны труда, то в годы индустриализации большинство вопросов посвящалось рационализации и усовершенствованию производства, режиму экономии, росту производительности труда. В 1925/26 хозяйственном году на омских предприятиях была получена экономия в сумме 182 359 руб., а в следующем – 283 980 руб.

Годы империалистической и гражданской войн существенно изменили ситуацию с населением Омска, но практически мало повлияли на внешний вид города. По разным источникам, численность населения Омска колебалась в предвоенные годы от 90 тыс. до 140 тыс. чел.

Будучи военно-административным центром, в годы Первой мировой войны город принял десятки тысяч военнослужащих из запасных полков, военнопленных, беженцев из прифронтовой полосы. В годы гражданской войны при исчислении населения часто за основу брали слова В. И. Ленина: «...в Омске теперь одни насчитывают 900 тыс. буржуазии, а другие – 500 тыс.». Цифра эта явно гиперболическая, так как в то время лишь 3 % омских зданий были каменными, остальные же деревянными (73 %)

СОВЕТСКИЕ ДЕНЬГИ

1920-х годов

и суррогатными (24 %), т. е. саманными, глинобитными, насыпными. Вселить в них в 5–10 раз большее количество жильцов было невозможно, хотя в редкий дом не были подселены беженцы или семьи чиновников многочисленных учреждений тогдашней столицы «белой» России.

Население Омска, по переписи 1920 г., составило 103 215 чел. В качестве самостоятельных городов с 1922–1923 гг. до 1930-х гг. считались Ленинск-Омский и Ново-Омск. В поселке Ленинск проживало в 1920 г. 30 620 чел., в Ново-Омске – 8 046. Население этих городов росло, хотя и медленнее, чем в других сибирских городах. К 1925 г. в Омске насчитывалось 111 779 жителей, в Ленинске-Омском – 32 536 и в Ново-Омске – 11 241 чел.

В годы нэпа, когда начался период восстановления промышленности и росла бурными темпами торговля, особенно частная, наиболее остро ощущалась нехватка как производственных площадей, так и жилья. Из-за отсутствия средств и материалов местные власти были не в состоянии вести жилищное строительство. В качестве выхода из положения стало выделение в 1923 г. под частное строительство 125 свободных земельных участков.

Кроме того, создавались жилищные кооперативы. Постановлением Центрального исполнительного совета и Совнаркома СССР от 16 мая 1924 г. был определен порядок выделения средств для фонда кооперации. В начале августа 1924 г. в Омске был организован губернский комитет содействия жилищно-строительной кооперации, положивший начало новым объединениям. Для финансирования жилищно-строительных кооперативов решением губисполкома выделялась половина фонда, предназначенного для улучшения быта рабочих. Вторая часть необходимых средств должна была состоять из личных взносов

пайщиков, отчислений от налогов и т. д. К началу февраля 1925 г. было организовано и оформлено 23 кооперативных товарищества, из них три жилищно-строительных с 144 пайщиками, остальные арендно-жилищные товарищества с 20 334 членами кооператива.

Началось возведение первых домов. Газета «Рабочий путь» 23 апреля 1925 г. писала: «Жилищно-строительное товарищество “Строитель” соорудило себе два громадных дома – высокие, деревянные, на фундаменте, светлые, на четыре семьи каждый. Уже крыша покрыта железом и на фасаде “1925” кругом – эмблема нового строительства и жизни». Один из домов и поныне стоит на ул. Броз Тито, его наличники украшены накладными серпом и молотом как элементом революционной символики.

Осенью того же года силами жилищкооператива железнодорожников были построены на площадке «Третьего Интернационала» шесть домов – три двухэтажных и три одноэтажных. «Видимо, пожить хотят посвободней, – писала газета «Рабочий путь» 16 октября 1925 г. – Квартир будет немного – по две в одноэтажном и по четыре в двухэтажном доме. Налицо все удобства: веранды, теплые уборные, надворные постройки, ледники, погреба и колодцы».

Однако многие рабочие заводов и новые жители, прибывавшие из деревень, были не в состоянии построить капитальные дома. В 1926-м и 1927 г. горсовет разрешил строительство 335 домов с насыпными стенами. Фактически их построили намного больше. Застраивались в основном Северные улицы. Довольно быстрыми темпами рос и Ново-Омск. Только за 1927 г. здесь было построено 438 частных домов (см. также очерк «1920–1930-е годы. Планировка, застройка, благоустройство, коммунальное хозяйство и городской транспорт»).

Серп и молот, звезды как элементы революционной символики на наличнике и подкарнизном пространстве дома

Дом на ул. Броз Тито, 5а
(бывшая ул. Профессиональная).
Фотографии А. А. Новиковой 2000-х гг.

В 1927 г. впервые в советское время началось строительство кирпичных многоквартирных домов. Наиболее крупным был из них двухэтажный дом по ул. Красный Путь, 20, заселенный в 1929 г.

Наряду с жильем, велось строительство общественных зданий. Так, 8 мая 1927 г. заложили, а 7 ноября 1928 г. сдали в эксплуатацию клуб металлистов (архитектор П. И. Русинов). Особенно быстрыми темпами застраивался Ленинск-Омский. Летом 1924 г. свыше сотни застройщиков получили земельные участки в поселках Порт-Артур и Сахалин. С 1925-го по 1927 г. в Ленинске-Омском было выделено около тысячи участков, а количество жилых домов достигло 3 832. С 1928 г. и здесь стали возводиться многоквартирные дома. Средства на их строительство выделяло управление Омской железной дороги. Годом раньше было завершено строительство крупного общественного здания, украсившего центр Ленинска-Омского, – клуба им. З. И. Лобкова, в котором был зал на 1 200 мест.

На весь Омск в середине 1920-х гг. насчитывалось три городских бани. Из них две были в ведении отдела местного хозяйства, а третья сдавалась в аренду. К 1930 г. добавилась еще одна. Максимальная суточная пропускная способность их не превышала 1 030 посетителей, а в среднем число помывок в год на одного жителя в 1930 г. достигло 16,6.

Немаловажное значение для деревянного Омска имело состояние противопожарной безопасности. К середине 1920-х гг. в городе и пригородах было 12 пожарных команд. Из них две команды содержались за счет города, а остальные за счет ведомств и пригородов. В двух пожарных командах отдела местного хозяйства был пожарный автомобиль, 41 лошадь, 14 телег. В штат входило 147 чел. С 1 октября 1925 г. в городе была создана добровольная пожарная дружина, насчитывавшая 50 чел. Если за 1923/24 хозяйственный год было 195 пожаров, то в следующем году лишь 77. Основная доля пожаров приходилась на зимние месяцы по причине неисправности печей и дымоходов.

Важное значение для городского хозяйства имело электроснабжение. Пущенная вскоре после гражданской войны центральная электростанция не могла обеспечить нужды города в электричестве. На ней устанавливались новые турбогенераторы, наращивая объемы подачи электроэнергии. Несмотря на довольно высокие тарифы на электричество (цены различным категориям пользователей колебались в 1925 г. от 30 коп. до 1 руб. 25 коп. за 1 кВт/час), с 1924-го по 1925 г. количество абонентов возросло с 3 476 до 3 771, а число электролампочек увеличилось с 15 985 до 24 395 штук. Кроме городской Центральной электростанции (ЦЭС), собственными электростанциями обзавелись некоторые предприятия: завод «Красный пахарь», фабрика вяялок, мельница Омгублестреста. Цена электроэнергии у них доходила до 3 руб. 20 коп. за лампочку, но это

РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ
СТПРАВОЧНИКА-УКАЗАТЕЛЯ
«Весь Омск» на 1923 год

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БАНЯ № 1.**

(БЫВ. КОРОБЕЙНИКОВА)

Уг. Непроезжей и Фабрич-
ной № 2/9. Тел. 397.

**ВНОВЬ ОТРЕМОНТИРОВАНА.
ВСЕ УДОБСТВА,
ВАННЫ, ДУШИ.**

ПОЛНЫЙ КОМФОРТ; ДЛЯ
УДОБСТВА ПОСЕТИТЕЛЕЙ
БУФЕТ; ПАРИКМАХЕРСКАЯ;
ОЖИДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ.

ЦЕНЫ ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

Управление пожарной команды, телеф. № 5-09, ул. Троцкого, № 8
Брандмайор города Омска, телеф. № 5-09, ул. Троцкого № 10.

В СЛУЧАЕ ПОЖАРА ЗВОНИТЬ:

Правый берег реки Иртыша до реки Оми
1-я пожарная часть, телефон № 5-09, улица Троцкого, № 8.
Левый берег р. Оми вниз по р. Иртышу
2-я пожарная часть, телефон № 3-87, Интернациональная ул. № 31.
Город Ленинск и Семипалатинский поселок
4-я пожарная часть, телефон Л. № 26, Школьный переулок.
Город Ново-Омск
5-я пожарная часть, телефон Ж. № 15, Жово-Омск

При сообщении о пожаре ТОЧНО УКАЗЫВАЙТЕ АДРЕС и
№ ТЕЛЕФОНА, по коему передаете сообщение.

не сдерживало желания омичей обзавестись электрическим освещением.

Предпринимались меры по улучшению водоснабжения. Омский водопровод был построен еще до революции, в 1913–1915 гг., и давал в сутки 53,5 тыс. ведер воды. В 1925 г. длина водопровода увеличилась еще на семь верст (7,42 км). В этот период в городе насчитывалось 122 домовых ответвления и 23 водоразборных будки. В 1924/25 хозяйственном году из всех водоразборных точек было отпущено 36,7 млн ведер платной воды. Тариф на воду колебался от 35 коп. за 100 ведер в водоразборных будках до 65 коп. частным лицам и 45 коп. учреждениям из домовых ответвлений. В последующие годы длина водопроводных сетей постоянно удлинялась, однако суточное потребление воды на одного жителя оставалось в пределах 16,5 л в середине 1920-х гг. до 20 л в 1930 г.

С дореволюционных времен в городе существовала телефонная станция. Она наращивала свои мощности, однако на 1 января 1925 г. в городе было всего 537 абонентов.

1920-е гг. были периодом развития в Омске телеграфной связи. Здание телеграфа находилось на ул. Республики (сейчас ул. Ленина, 20). Штат телеграфной конторы составлял 367 чел. В Омский телеграф заходило 40 проводов, на которых работали 15 дуплексных трансляций, 5 телеграфных аппаратов Юза и 15 аппаратов Морзе. В среднем за сутки обрабатывалась 6 481 телеграмма. В 1920-е гг.

в Омске начали работать трансляции на отремонтированной линии Петроград – Иркутск – Кяхта (далее на Пекин) и на линии Москва – Владивосток (по книге «На связи Омск». Омск, 2002. С. 25–27).

«В 1925 г. началась реорганизация связи – образован Омский округ, на территории которого находились 46 предприятий связи. <...> В 1926 г. в Омск с автобазы Наркомата почт и телеграфов – Наркомтеля прибыл первый автомобиль для почтовых перевозок. Первое время он работает на перевозке почты от почтовой конторы Омска до железнодорожного вокзала. Пока проверяется привезенная почта, автомашина успевает сделать два рейса» (Омской почте 260 лет. 1761–2001. Омск, 2001. С. 40).

Для защиты города от наводнений в 1926 г. на Луговском форштадте был построен защитный вал длиной около 2 км. Ремонтировался и удлинялся подобный вал на Мокринском форштадте. Тем не менее в начале мая 1928 г. в Омске случилось сильнейшее наводнение. Вплоть до магазина М. А. Шаниной по ул. Ленина пробираться можно было только на лодках. Были затоплены десятки магазинов и складов, снесен деревянный мост через р. Омь.

Довольно слабая в материальном плане база коммунального хозяйства города не могла справиться с царившими тогда бездорожьем и грязью. Свыше 300 км омских улиц имели лишь 5,3 % твердого покрытия, т. е. были замощены бульжником. Остальные же улицы были весной и осенью

Наводнение мая 1928 г.
Из коллекции В. И. Селюка

малопроезжими и представляли собой сплошную лужу. Для того чтобы можно было ходить, в городе существовала более-менее широкая сеть тротуаров. Однако и здесь из 150 км лишь два вымостили кирпичом, остальные же были деревянными и быстро приходили в негодность. С асфальтовым покрытием омичи познакомились лишь в 1934 г., когда первые 50 кв. м асфальта легли на омские тротуары.

Увеличение численности населения и развитие строительства с все возрастающей остротой ставили вопрос о пассажирских перевозках внутри города. С дореволюционных времен и вплоть до середины 1920-х гг. единственным транспортом были извозчики. От города, южной окраиной которого были военные склады и управление Омской железной дороги (напротив нынешнего завода «Электроточприбор»), и до железнодорожного вокзала была проложена железнодорожная ветка, по которой ходил поезд. Однако расписание его движения согласовывалось с началом и окончанием работы железнодорожников, ездивших на работу и с работы из города, поэтому было неудобным для других граждан (о городском транспорте см. в очерке «1920–1930-е годы. Планировка, застройка...»).

Значительные изменения в период нэпа произошли в сфере торговли. Существовавшая в годы «военного коммунизма» распределительная система вызвала к жизни соответствующие органы, во многом подменившие свободную торговлю. В Омске также была сеть магазинов Единого потребительского общества (ЕПО). Основной задачей ЕПО было отоваривание карточек и пайков прикрепленных к магазинам омичей. При дефиците продуктов и промышленных товаров это было непростым делом. Потребительская кооперация, лишённая самостоятельного права вести торгово-закупочную деятельность, подчинялась губернским продовольственным органам и практически занималась распределением продовольствия.

Продовольственный налог, заменивший продрозверстку, был почти в два раза ниже. После введения нэпа у крестьян появились излишки продовольствия, которые разрешалось продать или обменять на необходимые товары в городе. Требовался встречный партнер, предлагающий промышленные товары. С одной стороны, эти функции выполняли кустари, производившие ряд нужных крестьянину товаров, частные предприниматели – владельцы промышленных предприятий. С другой – часть зарплаты рабочим государственных предприятий в первые годы нэпа выдавали натурой. Например, на лесозаводе № 2 и мельнице № 2 рабочие получали от одного до двух пудов муки в месяц, на суконной фабрике – 40 фунтов муки, 10 фунтов мяса, два фунта растительного масла, фунт хозяйственного мыла и две коробки спичек. Денежная половина зарплаты зачастую выдавалась продукцией, выпускавшейся предприятием, – сукном, кожановарами, обувью, мылом и т. д. Реализацией этой продукции и об-

меном ее на продукты и занялась в новых условиях рабочая кооперация. Наряду с обеспечением трудящихся необходимыми продуктами и товарами, кооперация своей деятельностью создавала противовес частнику, который, став посредником, мог забрать часть зарплаты в свои руки. На кооперацию возлагались функции своеобразного буфера между бурно зарождавшимися частными предпринимателями и рабочим классом города.

Для развития рабочей кооперации государство передало в обменный фонд промышленных товаров на сумму 4 млн руб. золотом, а для закупа – 40 млрд дензнаков 1922 г. Омский губисполком на эти цели выделил городскому союзу кооператоров 20 тыс. руб. золотом. Однако разрозненные отраслевые рабочие кооперативы в трудных условиях неурожая при отсутствии ходовых промтоваров не могли в полной мере удовлетворить потребности тружеников в необходимых продуктах и товарах. Кроме того, у работников этих учреждений не было нужного опыта, профессионализма, а иногда и прямой заинтересованности в результатах деятельности. Отсутствие у кооператоров опыта по снабжению рабочих, острый недостаток средств и промышленных товаров приводили к тому, что рабкоопы лишь на четверть реализовывали заработную плату работающего населения.

Объединение всех мелких кооперативов в 1923 г. в городской Центральный рабочий кооператив (Церабкооп) несколько улучшило ситуацию, но не выправило до конца. В том же 1923 г. заработная плата рабочих реализовалась через кооперацию лишь на 23,2 %.

Неплохой урожай, полученный осенью 1922 г., привел к выбросу на омский рынок той части сельскохозяйственной продукции, которую крестьянин мог продать на самые необходимые хозяйственные нужды без риска остаться голодным, так как излишками привозившиеся продукты не всегда можно было назвать. Это увеличило спрос на промышленные товары, не производившиеся в необходимых количествах омской промышленностью. С конца 1922 г. начали проявляться «ножницы цен». Это выражалось в росте цен на промышленную продукцию, которая становилась не по карману сибирскому крестьянину, и относительной дешевизне продуктов питания.

К октябрю 1923 г. эта тенденция достигла максимума. За фунт отличного сливочного масла, стоившего 29 коп., крестьянин не мог купить катушку ниток, так как она стоила 33 коп. За пуд овса можно было купить лишь два фунта мыла. Если в 1913 г. на покупку пары простых сапог в Омске крестьянину нужно было продать пять пудов муки, то в октябре 1923 г. почти десять. Метр ситца продавался по цене одного пуда ржаной муки. Такое положение приводило к тому, что крестьяне отказывались покупать промышленные товары. Отсутствие реализации вело к нехватке у предприятий оборотных средств.

РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ
СПРАВОЧНИКА-УКАЗАТЕЛЯ
«Весь Омск» на 1923 год

ОПТИК-МЕХАНИК
Л. А. ШТЕЙН
г. Омск ул. Ленина № 14.
Точное исполнение заказов на **ОЧКИ** ПЕНСНЗ со всевозможными стеклами
— — — — —
починку часов и ювелирных вещей.
Иногородние заказы высылаются почтой.

МЫЛО РАЗНОЕ
— и —
КОЛЕСНАЯ МАЗЬ
Т^{ВО} И. МЯГКОВ и К^О
г. Омск.
Магазин; Гор. Торг. Корп. № 10, тел. № 204.
Завод: Омская ул. № 79.

Техническое предприятие
Тинкус, Пфейфер и К^О
— — — — —
Механическая мастерская
по ремонту и изготовлению новых частей к
двигателям, паровым машинам,
мельничным и др.
НАРЕЗКА ВАЛЬЦЕВ.
Омск, Пролетарская 65.

Кризисные явления отрицательно влияли на своевременную выплату зарплаты и, в конечном счете, вызывали недовольство рабочих новой экономической политикой. Резко возросла текучесть кадров, достигавшая в 1922–1923 гг. двух третей от численности всех работавших.

В этих условиях наиболее быстро и активно стали проявлять себя в торговле частники. Сеть торговых точек росла стремительными темпами, особенно в сельской местности, и достигла во второй половине 1923 г. более 4 тыс. Сеть государственных и кооперативных торговых заведений насчитывала соответственно 225 и 545 единиц. В городе возникали «товарищества», представлявшие собой возрождение бывших частных торговых фирм и домов. По данным Омского губисполкома, на 1 апреля 1923 г. по Омску было зарегистрировано 38 «товариществ на вере», в задачу которых входило «извлечение прибыли». В их числе были товарищества «Караван», «В. М. Шанина и К^О», «Комиссионер», «Мука» и другие, членами которых являлись бывшие торговцы и промышленники. При этом частный капитал занял важные позиции по торговле товарами широкого потребления: галантереей, парфюмерией, табачными изделиями, мануфактурой, хозяйственными товарами. Так, в 1922–1923 гг. табачными изделиями торговало 30 торговых точек, из них государственной была одна, а в 1924–1925 гг. насчитывалось 63 и 2 точки. Свыше 150 магазинов и киосков частников – почти при отсутствии государственных и кооперативных торговых точек – торговали мануфактурой, галантереей и одеждой, более 100 – металлическими изделиями. Частник завладел торговлей овощами и фруктами, кондитерскими изделиями, бакалеей и гастрономией, мясными продуктами; лишь в таких сферах, как торговля книгами, канцтоварами, медикаментами, детскими игрушками, государственная торговля сохранила приоритет. Монополия частника сдерживала ликвидацию «ножниц цен» на сельскохозяйственные и промышленные товары, так как «накручивались» приличные торговые надбавки, делавшие товары труднодоступными для большей части населения.

Государственная политика, направленная на создание конкуренции частнику, а при благоприятных условиях и на вытеснение его, проявлялась в создании сети государственных магазинов. Омские отделения Сибторга с конца 1922 г. открывают сеть универсальных магазинов, а также ларьков по продаже промышленных товаров. В 1923 г. в городе действовало уже три магазина, по одному магазину открылось в Ленинске-Омском и Ново-Омске.

Особенно четко была поставлена задача улучшения государственной и кооперативной торговли на XIII съезде партии, состоявшемся в 1924 г. На основе его решений в Омске эти виды торговли стали улучшаться. В октябре 1924 г. очередная губернская партконференция приняла резолюцию «Вопросы торговли в условиях Омской

губернии», в которой были намечены меры по овладению рынком и вытеснению из товарооборота частного капитала. Одной из конкретных мер явилась мобилизация в систему государственной торговли 199 членов партии. Была развернута сеть курсов по подготовке торговых работников из рабочих и крестьян.

К концу 1924 г. в торговую сеть Омской губернии входило 167 государственных торговых заведений, 120 кооперативных и 1 338 частных. При кажущемся значительном отставании сети государственных и кооперативных торговых учреждений на их долю приходилось в губернии соответственно 10 080 и 5 742 тыс. руб. товарооборота в конце 1924 г., тогда как на долю частной торговли лишь 4 353 тыс. руб. За год перед этим объем товарооборота выглядел несколько иначе. Государственная торговля – 4 388 тыс. руб., кооперативная – 3 915 тыс. руб. и частная – 6 269 тыс. руб. Налицо рост государственной и кооперативной торговли, занимавшей в общем объеме 50 и 26,5 %, частная же составляла 23,5 %. В оптовой торговле с конца 1923 г. по конец 1924 г. доля частного упала еще больше – с 24,6 до 5 %.

С начала 1925 г. ценовые колебания уменьшились, цены стабилизировались. Во многом это происходило за счет вмешательства государства в рыночный механизм, проявившееся в систематическом снижении цен на товары в государственной и кооперативной торговле. Требование продавать товары дешевле частного прозвучало на XIII конференции РКП (б).

Для выполнения поставленных задач государство предоставляло льготы потребительской кооперации, освобождая ее от налогов, выделяя кредиты и дефицитные товары. Частнику же увеличивали налоги и создавались другие препятствия, сдерживавшие рост торговли. В результате этих мер уже в конце 1925 г. в сибирской потребкооперации цены были более чем на 10 % ниже, чем у частных.

Начиная с 1925 г. Омский губисполком стал утверждать для города оптовые и розничные цены на муку, устанавливая предельные цены на продаваемые хлебобулочные изделия. Позднее определение максимальных цен было распространено и на промышленные товары массового спроса. В 1928 г. частник был окончательно вытеснен из оптовой торговли, а в розничной он занимал лишь 11,6 % от общего объема товарооборота.

Таким образом, важным итогом нэпа стало то, что хозяйственные успехи омичей, как и всей страны в целом, были достигнуты на основе принципиально новых общественных отношений. В промышленности ключевые позиции занимали государственные объединения, тресты, в кредитно-финансовой сфере наряду с государственными были кооперативные банки. В сельском хозяйстве господствовали мелкие крестьянские хозяйства, охваченные простейшими видами кооперации, так как роль совхозов

в производстве сельскохозяйственной продукции оказалась ничтожно малой.

В этом пестром многоукладном хозяйстве государство коренным образом по сравнению с «военным коммунизмом» изменило свои функции. От жесткой централизации и командных методов управления оно перешло к системе экономических мер воздействия, предоставления хозяйственной самостоятельности предприятиям всех форм собственности.

Однако наряду с рыночным подходом, «реабилитацией» товарно-денежных отношений, в политике руководства страны проявилось неприятие нарождающейся буржуазии, реставрации частной собственности. Этому способствовало и враждебное отношение к «нэпманам» со стороны населения. Традиционные для русских купцов и мелкой буржуазии кутежи, которые стали обычным явлением для нэпа, воспринимались основной массой населения крайне негативно. Кроме того, частный капитал шел не на нужды государства, в долгосрочные производственные проекты, а в спекулятивные посреднические операции.

Исходя из всего сказанного, вряд ли справедливо было ожидать доброжелательного отношения советской власти к возрождавшейся буржуазии. Это был классовый враг, у которого в 1917 г. была завоевана власть и который, набрав силу, не преминул бы возратить себе ее снова. Поэтому в программном плане провозглашалась и проводилась в жизнь политика бескомпромиссной борьбы с ним. К концу 1920-х гг. можно говорить о фактическом свертывании нэпа.

Заметным событием, свидетельствовавшим об отходе государства от экономических принципов нэпа, в частности, во взаимоотношениях с крестьянством, явился приезд Генерального секретаря Центрального комитета ВКП (б) И. В. Сталина в январе 1928 г. в Сибирь. Цель его поездки состояла в увеличении темпов хлебозаготовок. Курс на индустриализацию, провозглашенный партией большевиков, требовал для реализации огромных финансовых и материальных ресурсов. Деревня же, как главный и традиционный с царских времен поставщик товарной продукции на внешний рынок, несмотря на восстановленный довоенный уровень, по товарности давала лишь чуть более половины довоенного уровня. В 1926/27 хозяйственном году крестьяне потребляли на собственные нужды до 85 % произведенной продукции, что означало фактический возврат к натуральному хозяйству.

И. В. Сталин выступал перед партийными и хозяйственными активами в Омске, Барнауле, Рубцовске и других городах Сибири и призывал местные власти насильно заставлять крестьян продавать хлеб по низким ценам, а к тем, кто сопротивляется, применять статьи Уголовного кодекса как к спекулянтам. После этого государство фактически перешло к административным методам руководства, заменив ими экономические рычаги управления.